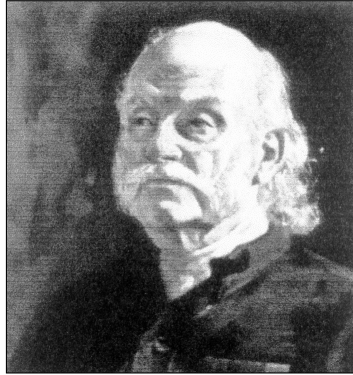


Борис РЕЗНИК

Переправа через Десну

Борис Миронович Резник – потомственный одессит, известный врач-уролог, кандидат медицинских наук. Он прошел всю войну, закончив ее боевым офицером-орденоносцем. В 15 и 16 номерах нашего альманаха были опубликованы главы из его книги "Пациент из моего детства", которая, надеемся, выйдет в родном городе нашего замечательного земляка.

Сегодня предлагаем читателям очередной отрывок рукописи, в котором рассказывается о самом трудном годе Великой Отечественной войны – 1941-м.



**Портрет Б.М. Резника
кисти одесского художника
Эммануила Каминского**

Осенью 1941 года я попал в одно из самых тяжелых окружений. Немцы прижали нас южнее г. Трубчевска к Десне, и столь плотно, что единственным спасением являлась переправа через эту реку вплавь. Когда у командования не оставалось надежды вывести из окружения боевую технику и автомашины, последовал приказ об их уничтожении. И вот ночью при свете переносных фонариков шоферы тяжелыми молотами крушили свои полуторки, свои надежные верные машины, на которых они когда-то ездили по колхозным и совхозным полям, а затем проделали сотни километров дорогами отступления по Белоруссии, Украине и России, и при этом плакали, не скрывая слез.

На рассвете по болотистой местности нескончаемая цепочка людей направилась к Десне. Картина, которую я там увидел, невольно вселяла в душу леденящий ужас. Оказалось, что почти треть военнослужащих не умеет плавать. Для меня — одессита — это казалось совершенно невероятным. Люди тащили с собой деревянные ящики, какие-то доски, автомобильные камеры и из всего этого мастерили импровизированные плавсредства. Положение усугублялось тем, что на подорванном железнодорожном мосту, находившемся в километре от места переправы, немцы начали устанавливать минометы. Раздумывать было некогда, я отошел метров на 15-20 вниз по течению и начал подготовку к небывалой в моей жиз-

ни переправе. Сбросив с себя сапоги и обмундирование, я скатал последнее в довольно объемистый тюк, внутрь которого положил заветный портсигар с фотографией Циленьки и комсомольским билетом, а также кобурку с наганом (в то время красноармейцев, прикомандированных к штабу, вооружили револьверами, а их винтовки передали в стрелковые части). Я туго перетянул тюк поясным ремнем, взял его в левую руку, сапоги связал бечевкой, повесил на шею и бросился в холодную воду реки. С юных лет я любил плавать на правом боку, поэтому начал продвижение именно таким образом. Вначале тюк сохранял плавучесть, и я довольно быстро продвигался, но когда достиг середины реки, раздался первый выстрел из немецкого миномета, затем второй, третий... Некоторые мины упали просто в воду, но некоторые попали в самую гущу суевившихся на берегу людей. Послышались стоны, проклятия — все это удесятило мои силы, и хотя тюк намок и начал потихоньку погружаться в воду и тянуть меня за собой, мне удалось доплыть до противоположного берега. Там я сбросил с шеи сапоги, разорвал бечевку, вылил из сапог воду и вот так, в трусах, майке и сапогах, с поклажей на плече бросился в начинавшиеся сразу на берегу заросли леса. Двое суток мы, те, кому удалось переправиться, брели по дремучим брянским лесам, по просекам или просто, продираясь через заросли; пили воду из луж... На третьи сутки мы добрались до Брянска. Когда мы явились к военному коменданту города, оборванные, заросшие щетиной, грязные и голодные, он вначале не понял, откуда мы свалились. Он слышал о нашем окружении, но не знал, в каком направлении отошли наши части и где они в настоящее время находятся, но, тем не менее, дал очень дельный совет: "На магистральной дороге ловите машины с номерами вашего корпуса. Лучше всего будет, если вам удастся поймать какую-нибудь радиостанцию, потому что радиостанция в состоянии связать вас с вашими частями".

Мы так и поступили, и действительно вскоре встретили полуторку, которая возвращалась после капитального ремонта, и о расположении части шофер не знал. Среди нас оказался начпрод одного из полков, а это означало, что в его полевой сумке были специальные чеки на получение продуктов питания с любого склада. В сопровождении нескольких наших солдат он поехал на этой полуторке на продовольственный склад, а затем на нефтебазу. Через несколько часов они вернулись и привезли двадцать буханок черного хлеба, маленький бочонок патоки и бочку с бензином. Я уже писал ранее о том, что иногда и черный хлеб с патокой может быть вкуснейшим блюдом!

На следующий день нам удалось остановить радиостанцию и с ее помощью связаться со вторым эшелоном штаба корпуса, он переправлялся через Десну в другом месте и находился теперь уже вне кольца окружения. Полученные сведения были для нас малоутешительны: от г. Львова, где дислоцировались теперь наши войска, нас отделяло не менее ста километров, большая часть этой территории уже была занята немцами. Мы должны были буквально проскочить между городами Дмитриевым-Льговским и Дмитровским-Орловским, причем сделать это на двух машинах и незаметно для противника. Иного выхода у нас не было. Нас не покидала надежда на успех, поскольку мы понимали, что между немецкими подразделениями, безусловно, должны существовать разрывы — вот ими мы и хотели воспользоваться. Ехали мы с выключенными фарами, преимущественно ночью, дороги пересекали, только удостоверившись, что на них нет транспорта противника. Умение читать карту, приобретенное в харьковской топографической школе, очень мне тогда пригодилось! Хлеб и патока давно закончились, но нас подкармливали в попутных деревнях. Повсеместно нас встречали радушно, тут же сообщали все, что знали о передвижениях немцев, кормили из своих скудных запасов и желали лишь одно: уцелеть и расплатиться с немцами за муки своего народа.

Наше появление во Львове было неожиданным: товарищи и не скрывали, что в мыслях нас давно похоронили. Но времени для радости и проявления дружеских чувств не было: в районе Львова создавался узел обороны областного города Курска из остатков боеспособных частей нашего корпуса и соседних соединений. Была организована так называемая "Армейская группа генерала Ермакова". С тех пор на фронте утвердилась традиция называть части и соединения по фамилиям командиров. На заборах и зданиях рисовали стрелки, а над ними делали надпись: "Хозяйство Иванова" и т. д. Довелось и мне в дальнейшем воевать в "хозяйстве Городнянского" и в "хозяйстве Пухова" (13 армия), и в "хозяйстве Романенко", а позднее — Гусева (48 армия).

Оборона Львова, к сожалению, оказалась малоэффективной, и уже 27 октября он был оккупирован немецко-фашистскими войсками. Мы отошли и заняли оборону непосредственно перед и в самом Курске. Для всех было очевидным, что немцы стремятся обойти Москву с юга, чтобы взять ее — это было для них основной задачей. Мы понимали, что, обороняя Курск, мы вместе с тем обороняем столицу нашего государства. Однако, несмотря на упорное сопротивление наших войск, немцы сумели ко второму ноября почти полностью окружить город Курск, из которого

на северо-восток оставался лишь один путь для отступления — вдоль железной дороги по сопутствующей ей грунтовой автомобильной дороге.

Последняя ночь в Курске была трагичной не только из-за сложности нашего положения, но и от того отчаяния, которое овладело курянами, осознавшими, что через день-два они окажутся под властью фашистов. До сих пор не могу забыть, хотя с тех пор прошло более 60 лет, эпизод, происшедший со мной в эту ночь. Мы находились в районе городского ипподрома, вокруг которого располагались домики местных жителей. Вот в один из таких домиков мы и заглянули погреться, испить горячего чайку и проглотить несколько ложек каши. Но молодость есть молодость, и поэтому мы при этом обменивались шутками с молоденькой дочерью хозяйки дома. Ей было не более шестнадцати-семнадцати лет, и она была довольно милостива. Когда я прощался с ней в эту ночь со 2 на 3 ноября, она проводила меня до порога и в сенях неожиданно обратилась с предложением:

— Задержись, давай сходим за дом в сарайчик.

— Это зачем же?

— Какой же ты непонятливый и бестолковый. Завтра в городе будут немцы и все равно они лишат меня невинности, так лучше пусть это сделает а ш солдат, тем более, что ты мне симпатичен...

Я был поражен не только смыслом сказанного ею, но безысходной тоской, которая звучала в голосе этой еще не видавшей жизни девушки. Как мог, я старался утешить ее и убедить, что, может быть, не все обернется так плохо и не следует отчаиваться, а она слушала меня, плакала, а потом сказала: "Ну, я окончательно вижу, что ошиблась, ты просто глупец!" — и убежала...

В соответствии с приказом командования ранним утром 3 ноября мы должны были покинуть город, сохранив транспортные средства, так как их численность в ходе предшествующего отступления в значительной степени поубавилась. Мы выезжали из Курска под артиллерийским обстрелом, который производился и по нашей дороге как с левого фланга, так и с правого, что свидетельствовало о том, что город окружен, и вскоре кольцо окружения замкнется.

Через 2-3 километра, когда закончился замощенный участок дороги, обнаружилось, что далее продвигаться наши машины не могут. Осенние дожди полностью размыли грунтовую дорогу, не помогали ни цепи противоскольжения, ни наши усилия. Машины не только буксовали, но и все глубже зарывались в грунт. Как бывает в таких случаях, помогла воинская находчивость. Одному из шоферов пришла в голову счастливая мысль:

"Братцы, а ну-ка подсобите моей машине взобраться на железнодорожную насыпь". И хотя ранее нам не приходилось слышать о подобном способе передвижения, мы немедленно оценили всю рациональность его предложения. Действительно, почему бы не попробовать? Объединив усилия, мы по очереди вытолкали все машины на железнодорожную насыпь, а затем установили их в такое положение, что один из рельсов оказался между колесами, и машины получили возможность двигаться по шпалам, хоть и медленно, но не буксуя и не останавливаясь. Движение каждой машины напомнило мне картину далекого детства в Одессе, когда к берегу подплывала плоскодонная шаланда, груженная рыбой, и при этом невысокая волна раскачивала ее, плавно поднимая нос, а затем так же плавно опуская его вниз. Машины ехали на первой-второй скорости, моторы ревели и перегревались, но мы все же двигались в необходимом направлении. До ближайшей железнодорожной станции под названием Щигры было не более 50-60 километров, но мы преодолели их только за двое суток, и 6 ноября 1941 г. оказались в домике железнодорожного обходчика. Настроение и у нас, и у хозяев дома было подавленное, причиной были упорные слухи о том, что Москва уже сдана немцам. Комната, в которой мы сидели понурившись, тем не менее, была очень чисто прибрана — такую уборку хозяйка производит обычно перед самыми большими праздниками. При мысли об этом я грустно улыбнулся: "Что за праздник годовщины революции, если немцы в Москве или вот-вот захватят ее!".

Надо сказать, что я и раньше отмечал для себя, что как это ни странно, но в прифронтовых населенных пунктах вплоть до самого их взятия немцами жизнь текла по обычному распорядку. И электростанция работала, и радиотрансляционный узел, и почта, и магазины... Примерно в шесть часов вечера в домике тускло засветилась электролампочка над столом, а вслед за ней ожил и репродуктор, висевший на стене. И то, что мы услышали, было совсем удивительным и неожиданным. Это был голос диктора, известного всей стране, Юрия Левитана. В довоенные годы, узнав этот голос по совершенно неповторимому бархатному тембру, мы ждали каких-то важных сообщений. Так и теперь, после обычного вступления: "Внимание, говорит Москва!", — он объявил о начале трансляции торжественного собрания, посвященного двадцать четвертой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Затем мы услышали шум аплодисментов, которые не смолкали несколько минут, а когда они утихли, то голос председательствовавшего объявил: "Слово для доклада предоставляется товарищу Сталину!". Окончание этих слов буквально утонуло в шквальном громе аплодисментов!

Я не мог видеть себя в этот момент, но видел лица моих спутников, они просветлели... Значит, Москва не сдана! Сталин на месте! Мы слышим прямую трансляцию торжественного заседания (позже мы узнали, что оно проходило на ст. "Маяковская" Московского метрополитена). Нет, не все потеряно, будет и на нашей улице праздник! Спустя десятки лет я думаю, что этот человек обладал совершенно поразительной, какой-то колдовской силой воздействия на слушателей. По мере того как он говорил наша уверенность возрастала. Повеселели и хозяева: "Ну, раз такое дело, отметим праздник как следует!". Кое-что было припасено у них, кое-что нашлось и в наших вещмешках! Железнодорожник достал из какого-то тайника бутылку водки, и все мы дружно выпили за Октябрь, за Москву, за разгром немцев.

А на следующий день тот же репродуктор оповестил нас о том, что иначе как грандиозным театрализованным представлением для всего мира не назовешь. Это был парад войск Красной Армии на Красной площади, с которого войска прямо отправлялись на передовую, на защиту Москвы. Великим мастером режиссуры таких вот постановок в масштабе всей страны был наш вождь Иосиф Сталин! Генералы вермахта тоже хотели пройти парадом по Красной площади, и он устроил для них такой парад — провел пленных немцев, 52 тысячи человек по улицам Москвы под конвоем. Хотели они водрузить свое знамя со свастикой над всем миром — получили наше Красное знамя Победы над рейхстагом, а их флаги и вымпелы легли на брусчатку Красной площади во время парада Победы под ноги советских воинов-победителей и были свалены в кучу к подножию Мавзолея... И разве не были артиллерийские салюты в честь победителей решающих битв освобождения огромным театрализованным спектаклем? Я до сих пор горжусь тем, что салют в 1943 г. в честь освобождения Орла имел и ко мне непосредственное отношение, так как диктор Левитан среди "виновников торжества" назвал и тех, кто служил под командованием генерала Романенко.

Именно тогда в квартире железнодорожного обходчика я впервые задал себе вопрос: "А не пришло ли для меня время вступить в партию?". Такая мысль появилась, потому что было совершенно очевидным, что борьбу с ненавистным врагом как на фронте, так и в тылу страны организуют члены партии прежде всего. Среди окружавших меня фронтовых товарищей, как командиров, так и рядовых, многие уже были членами партии. Более того, для фронтовиков была в значительной степени облегчена процедура приема в партию. Если раньше, в довоенные годы, преиму-

щество отдавалось лицам так называемого "пролетарского" происхождения, то теперь единственным критерием являлось участие в боевых действиях на фронте. Кандидатский стаж был сокращен с трех лет до шести месяцев. Вступление в партию на фронте не сулило никаких личных выгод, наоборот, члены партии всегда первыми направлялись на наиболее ответственные участки борьбы с фашистскими оккупантами. "Разве битва за Москву, — спрашивал я себя, — не является именно тем участком фронта?" Это был вопрос, который мне надлежало решить только самому. Никакие советы здесь не были уместны. С того вечера я лишь ожидал подходящего момента для подачи заявления о вступлении в партию, теперь это целиком и полностью зависело от боевой обстановки. Немцы продолжали наступать, правда, уже не столь активно, как раньше, основные усилия они направили непосредственно на захват Москвы.

В конце октября армейская группа генерала Ермакова влилась в состав 13 армии. Последними городами на нашем направлении, которые оккупировали немцы, были Ливны (26 ноября) и Елец (5 декабря 41 года). Это была крайняя точка нашего отступления. И если уподобить сопротивление Красной Армии гигантской пружине, то эта пружина сжалась к тому времени до предела, а затем начала постепенно распрямляться — чем дальше, тем с большей силой. 12 декабря 1941 года, всего через 7 дней после захвата Ельца, немцы были вынуждены оставить этот город под натиском 13 армии.

